

Сказание о Ёсицунэ

О том, как Минамото Ёситомо бежал из столицы

Когда обращаются за примерами воинской доблести к японской старине, то называют Тамуру, Тосихито, Масакадо, Сумитомо, Хосё, Райко, а когда к китайской – то Фань Куая и Чжан Ляна; но они известны нам лишь понаслышке, и воочию мы их не видели. А вот кто у нас на глазах явил миру своё боевое искусство и тем привёл в изумление всех без остатка, так это не имеющий равных в нашей стране преславный полководец Куро Ёсицунэ, младший сын императорского конюшего левой стороны Ёситомо из Симоцукэ.

Онй Минамото Ёситомо, родитель предбудущего героя, вкупе с начальником воротной стражи сиятельным Фудзиварой Нобуёри в боях на улицах столицы двадцать седьмого дня двенадцатого месяца первого года Хэйдзи потерпел поражение. Все его наследственные вассалы были перебиты, и, оставшись с тремя десятками всадников, побежал он в сторону Восточных земель. Взял с собой он лишь взрослых сыновей, а малолетних детей оставил в столице.

Его старшим сыном был Акугэнда Ёсихира Свирепый из Камакуры; второй сын был Томонага, паж при особе государыни, лет шестнадцати, третий же был хёэ-но скэ Ёритомо, двенадцати лет.

Акугэнду отец послал в Этидзэн с наказом искать приверженцев в Северных землях. Верно, дело не удалось, и Акугэнда укрылся в храме Исияма, что в провинции Оми, но Киёмори, прослышав о том, отправил за ним своих вассалов Сэноо и Намба-но дзиро; его доставили в столицу и казнили на берегу Камо в конце Шестого проспекта.

Брат его Томонага тоже погиб. На крутом склоне по дороге к горе Хиэй монастырский писарь по прозвищу Большая Стрела поразил его из лука в левое колено, и он скончался на почтовой станции Аохака в провинции Мино.

Кроме этих детей у Ёситомо было множество других.

Одного родила ему дочь настоятеля храма Ацута в земле Овари. Мальчика называли Каба-но-дзоси, поскольку он рос в месте, именуемом Каба, что в

провинции Тотоми, впоследствии же он стал тем, кого прозвали Правителем Микавы.

Ещё трех сыновей родила Токива, камеристка государыни Кудзё, и сыновья эти были Имавака, семи лет, Отовака, пяти лет, и Усивака, которому не исполнилось и года.

Тайра Киёмори приказал их всех схватить и зарезать.

О том, как из столицы бежала Токива

Прослышав про это, Токива на заре семнадцатого дня первого месяца первого года Эйряку, подхватив троих сыновей своих, покинула столицу. Был у неё дальний родич по матери в Киси-но ока, что в уезде Уда провинции Ямато, и к нему явилась она, но в столь смутное время на него нельзя было положиться, и потому решила она укрыться в тех же краях в месте, именуемом Дайтодзи. Вдруг пришло известие, что матушка её Сэкия, проживавшая в столице на улице Ямамомо, схвачена людьми из Рокухары и подвергается жестоким допросам. Узнав об этом, Токива впала в отчаяние. Ведь если спасти матушку, то надо отдать под нож троих сыновей. А если спасти сыновей, то погибнет престарелая родительница. Она извелась, рыдая о матери и мучась думой о детях, и не знала, на что решиться. Даже ради матери можно ли выдать на смерть родное дитя? Но ведь сама богиня земной тверди Кэнро благоволит к тем, кто чтит родителей превыше всего, так не послужит ли это во благо и сыновьям?

Уповая на это, взяла она троих детей своих и с горьким плачем пустилась в столицу.

Когда весть об этом дошла до Рокухары, повелели вассалам по имени Акуситибёэ Кагэкиё и Кэммоцу Таро доставить её вместе с детьми. Мечтал Киёмори, как будет жечь Токиву в огне и топить в воде, но увидел её – и гневное сердце его смягчилось. Токива была в ту пору первой красавицей в Японии. Когда государыня Кудзё воспылала влечением к женской прелести, повелела она созвать со всей столицы тысячу прекрасноликих дев и отобрала из них сотню, из сотни же десятков, а из десятка одну самую прекрасную, и это была Токива.

«Если только склонится она к моим желаниям, – подумал Киёмори, – тогда пощажу я троих её сыновей, пусть даже их потомки станут врагами моим внукам». И он повелел вассалам своим Ёрикатэ и Кагэкиё поместить её в

павильоне на углу Сюдзяку и Седьмого проспекта и стеречь, сменяя друг друга, а старшим назначил Ёрикатэ. И вот Киёмори стал изо дня в день повергать к её стопам письма. Вначале она к ним не прикасалась, но в конце концов для спасения детей уступила его желаниям. Только так смогла Токива дать сыновьям достигнуть совершенных лет.

Имавака весной своего восьмого года был послан в ученье в храм Каннон, восемнадцати лет принял постриг и стал в монашестве прозван Преподобный Господин. Затем он поселился в провинции Суруга у подножия Фудзи и хоть споспешествовал в горном храме, именуемом Ано, возвышению и славе Закона, однако стали называть его Свирепым Преподобием.

Отовака проживал на Восьмом проспекте, тоже стал он монахом, но нрава был буйного и всякий праздник в храмах ли Камо и Касуга или Инари и Гион искал схватиться с кем-либо из дома Тайра. Впоследствии он был убит в землях Токайдо у реки Суномата, когда затеял смуту его дядя Минамото Юкииэ, пребывавший в землях Кии.

Младший же Усивака рос при матушке до четырех лет, причём душевностью и благонравием превосходил всех обыкновенных детей. Глядя на него, Киёмори не уставал повторять: «Держу в своём доме сына врага, и чем же это кончится?» – пока не отправил его в место, именуемое Ямасина, к востоку от столицы. Там в уединённом жилище, куда из поколения в поколение удалялись от мира престарелые Минамото, рос Усивака до семи лет.

Как Усивака вступил в храм Курама

Взрослели сыновья, и всё тревожнее становилось на душе у Токивы. Что будет с ними? Отдать их в службу чужому роду вряд ли было достойно. В придворные они за неопытностью тоже не годились. И она решила: быть им монахами, пусть научатся читать хотя бы первый свиток сутры «Амида» и пусть молятся о благополучии духа покойного родителя. Решив так, она отправила с посыльным письмо настоятелю храма Курама пресветлому Токобо, который много лет уже был молитвенником за Ёситомо. В письме говорилось: «Вам, наверное, известно о младшем сыне Ёситомо, ребёнке по имени Усивака. Дом Тайра процветает, и сердце моё в тревоге оттого, что боюсь я. Если возьмёте его к себе в храм Курама, то покорно прошу – не дайте ожесточиться его душе, научите читать и заставьте выучить из сутр хоть одно слово». Пресветлый Токобо написал в ответ: «Отпрыск рода

императорского конюшего будет принят здесь с радостью» – и незамедлительно послал человека за Усивакой в Ямасину. И в начале второго месяца своего седьмого года Усивака поднялся на гору Курама и вступил в храм.

После этого дни напролёт вникал он в сутры и изучал китайские книги перед лицом своего наставника; солнце клонилось к западу, и ночь уходила за полночь, а они всё читали, и не гасли у них светильники перед изображениями будд. Били пятую ночную стражу, а Усивака не ведал ни дня, ни ночи, весь отдаваясь наукам.

Токобо убеждён был, что ни храм на Горе, ни храм Миидэра не упомянут такого ученика. Всё в нём безупречно: и ревность к учению, и благонравие, и облик, и статья. И пресветлый Рётибо с высокоумным Какунитибо говорили: «Если только он останется столь же прилежен к наукам до двадцати лет, то суждено ему воспринять после Токобо зерно Закона Будды, и поклонятся ему люди как сокровищу бога Тамона в храме Курама». Прослышала об этом и его мать и написала Токобо такое письмо: «Ревность Усиваки к учению радует меня. Но если станет он проситься ко мне на побывку, то прошу не отпускать, как бы он ни просил. Сколь ни велико его усердие, мирская суэта может охладить его душу, и стремление к наукам ослабеет. Так что, если он соскучится и пожелает повидать свою матушку, прошу удостоить меня приглашением, и я буду к нему сама, а повидавшись, уйду восвояси». На это Токобо ответил: «Напрасно тревожитесь, учеников отпускаем в мир не часто». И Усиваку отпускали всего раз в год или в два года.

Но какому же злему духу удалось обуять столь превосходного в науках юношу? С осени пятнадцатого года усердие его к учению вдруг переменилось.

О монахе по имени Сёсимбо

Причина была такая. В храме Ракандо на углу Муромати и Четвёртого проспекта жил монах, был он потомком людей свирепых, породил его Камата Дзиро Масакиё, сын кормилицы императорского конюшего левой стороны Минамото Ёситомо. Во время мятежа Хэйдзи ему было одиннадцать лет. Тайра Тадамунэ искал зарезать его, но родич по матери, прознав про это, укрыл его у себя, а когда исполнилось ему девятнадцать и свершили над ним обряд совершеннолетия, то нарекли его именем Камата Сабуро Масатика.

В двадцать один год Масатика рассудил, что вот Минамото Тамэёси убит в мятеже Хогэн, а Минамото Ёситомо убит в мятеже Хэйдзи, потомство их прекратилось, боевая слава повержена в прах и поросла травой забвенья; что Тайра Киёмори истребил вместе с вождями Минамото и его родителя; а потому остаётся ему принять постриг и пуститься странствовать и в этих странствиях по землям Японии предаться подвижничеству, дабы укрепить себя в Законе Будды и возносить моления о благополучии духов покойных своих господ, а также о блаженстве души родителя в Счастливой Земле. Так рассудив, двадцати одного года он принял постриг и через Северные земли пустился в сторону Цукуси. Там занимался он науками в храме Анракудзи, что в уезде Микаса провинции Тикудзэн, но впал в тоску по родным местам, вернулся в столицу и поселился в храме на Четвёртом проспекте, где продолжал усердно следовать стезёй Будды. Имя его в монашество стало Сёсимбо. И ещё прозвали его Хидзири из Ракандо.

Отдыхая от усердных молений, размышлял он о процветании дома Тайра и неизменно поражался. «Как случилось, что Киёмори вознёсся к должности великого министра и самые последние из его родичей сделались вельможами? Род Минамото расточён в мятежах Хогэн и Хэйдзи, взрослые вырезаны, малолетние сосланы кто куда и о них ни слуху ни духу. Эх, если бы какой-нибудь счастливый в прошлом рождении и могучий духом Минамото затеял сейчас смуту! Я бы помчался его гонцом куда угодно сеять мятеж, – вот моё заветное желание!» Так размышлял Сёсимбо. Он пересчитывал, загибая пальцы, Минамото, затаившихся в разных провинциях.

«В провинции Кии – Сингу-но Дзюро Юкииэ. В провинции Кавати – Исикава-но ханган Ёсиканэ. В землях Цу – Тада-но курандо Юкицуна. В столице – Гэнсамми Ёримаса и Кё-но кими Эсин. В провинции Оми – Сасаки Гэндзан Хидэёси. В провинции Овари – Каба-но кандзя Нориёри. В крае Тосэндо – Кисо-но кандзя Ёсинака. В провинции Суруга – Свирепое Преподобие. В провинции Идзу – хёэ-но скэ Ёритомо. В провинции Хитати – Сида-но Сабуро Сэндзё Ёсинари и Настоятель Сатакэ Масаёси. В провинции Кодзукэ – Тонэ и Агацума. За многими далями они отсюда, и надежда на них плохая. А вот совсем поблизости от столицы, в храме Курама, пребывает господин Усивака, младший сын императорского конюшего. Хорошо бы навестить его, и если духом он твёрд, то пожалует мне письмо, с которым отправляюсь я в провинцию Идзу к господину нашему хёэ-но скэ Ёритомо, и тогда, собравши всех Минамото, какую же смуту учиним мы по всей земле!»

В конце концов, хоть и была тогда самая пора летнего затвора, покинул он храм на Четвёртом проспекте и поднялся на гору Курама.

Когда предстал он перед кельей настоятеля, о нём доложили:

– Явился Хидзири из Ракандо.

– Намерен затвориться на лето в Курама? – осведомился Токобо.

– Воистину, – был ответ.

– Ну что ж... – произнёс Токобо, и Сёсимбо поместили у него в келье.

Никто не знал, что Сёсимбо прячет под рясой меч, а в душе таит злые помыслы.

И вот однажды ночью, когда всё затихло, он прокрался к Усиваке и зашептал ему на ухо:

– Господин, по неведению вы, может быть, не думали об этом до сей поры, но ведь вы – сын императорского конюшего левой стороны, десятого потомка императора Сэйва, и это говорю вам я, сын Каматы Дзиро Масакиё, молочного брата вашего отца! Не гложет ли душу вашу, что все из рода Минамото прозябают в ссылке по дальним землям?

Поначалу Усивака преисполнился недоверия. «Ныне в мире процветает дом Тайра, – подумал он. – Так не заманивают ли меня в ловушку?» Тогда Сёсимбо подробно поведал ему о деяниях Минамото из поколений в поколения, и вдобавок, хотя самого его Усивака не знал, слышать о нём ему приходилось.

– Нельзя, чтобы нас увидели вместе, – сказал он. – Встретимся где-нибудь потом.

И повелел Сёсимбо возвратиться в столицу.

О том, как Усивака поклонялся богу Кибунэ

После встречи с Сёсимбо юный Усивака начисто забыл о науках и от зари до зари думал только о мятеже.

В таком предприятии, как мятеж, не обойтись без знания военного дела и без телесной силы и ловкости. Усивака решил начать с телесных упражнений, однако вокруг Токобо всегда было множество людей, и тут ничего не получалось. Между тем в горах Курама есть место, именуемое долиной

Епископа. В стародавние времена какие-то люди, забытые ныне, поклонялись явившемуся там светлому божеству Кибунэ, подателю дождя, прославленному многими чудесами. Туда совершали паломничества отринувшие суету подвижники, не смолкал там звон молитвенных колокольников, а поскольку службы там правили жрецы истовые, то непрерывно звучали барабанчики цудзуми священных плясок микагура, и голоса колокольчиков, коими потрясали жрицы-кинэ, отверзали людям духовные очи. Многие чудеса являлись там миру, но потом мир приблизился к концу, совсем мало стало спасительной силы будд и чудодейства богов; храмы пришли в запустение и сделались обиталищем ужасных тэнгу, и, когда солнце склонялось к закату, слышались там раздирающие вопли мстительных духов. И никто больше не искал там прибежища от мирской суеты.

Усивака же, прослышав, что есть такое место, этим стал пользоваться. Днём он делал вид, будто занимается науками, а по ночам, ни словом не обмолвившись даже давним своим, можно сказать, братьям среди монахов, облачался в панцирь, подаренный ему настоятелем на случай защиты от врагов, препоясывался мечом с золотой отделкой и в полном одиночестве шёл к храму Кибунэ. Там возносил он моление.

«О всемилостивый и всеблагий бог Кибунэ и великий бодхисатва Хатиман! – восклицал он и складывал ладони. – Обороните род Минамото! Если исполнится по заветному желанию моему, построю я для вас знатное святилище, изукрашенное драгоценными камнями, и присовокуплю к нему тысячу те земли!» Произнеся этот обет, он отступал от храма и удалялся к юго-западной стороне долины.

Там нарекал он кусты вокруг себя войском дома Тайра, а бывшее там огромное дерево нарекал самим Киёмори, обнажал меч и принимался рубить направо и налево. А затем извлекал он из-за пазухи деревянные шары вроде тех, какими играют в гиттё, подвешивал их к ветвям и один называл головой Сигэмори, а другой вешал как голову Киёмори. Когда же наступал рассвет, он незаметно возвращался к себе и ложился, накрывшись с головой. И никто ничего не знал.

Случилось, однако, так, что бывший у него в услужении монах по имени Идзуми приметил в его поведении странное и стал за ним следить не спуская глаз. И вот однажды ночью он скрытно увязался за Усивакой, спрятался в кустарнике и всё увидел, а увидев, поспешно вернулся в храм Курама и доложил настоятелю Токобо.

Пресветлый пришёл в великое смятение, сообщил обстоятельства пресветлому Рётибо и повелел монахам обрить Усиваке голову. Услышав это, Рётибо возразил:

– Обрить мальчику голову просто, но мальчик мальчику рознь. Этот столь усерден в учении и прекрасен лицом, что жалко понуждать его к пострижению в нынешнем году. Обреем его весной будущего года!

– Всякий расстанется с миром в сокрушении душевном, – ответил настоятель.
– Но раз обнаружился в нём такой дух лени и своеволия, медлить нельзя и ради нас, и ради него самого. Ступайте и обрейте его!

Однако Усивака взялся за рукоять меча и объявил:

– Любого, кто подойдёт брить меня, кто бы он ни был, я проткну насквозь.

Понятно было, что к нему так просто не подступиться. И сказал высокомуудрый Какунитибо:

– Здесь собирается на проповеди множество людей, они отвлекают его, и потому науки не идут ему на ум. А моя келья поодаль, и у меня в тишине он смог бы учиться без помех.

Видимо, сжалился и Токобо. «Ну, разве что так...» – произнёс он и отдал Усиваку под надзор высокомуудрого.

Ему переменили имя и назвали Сяна-о. С той поры он больше не ходил поклоняться Кибунэ, однако стал ежедневно уединяться в святилище храма и молиться богу Тамону об успехе мятежа.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К.
Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66